

КРАТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА АУТЕНТИЧНОСТИ КЕРНИСА- ГОЛДМАНА: АДАПТАЦИЯ В РОССИИ

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>,
e-mail: snartovabochaver@hse.ru

А.А. КОРНЕЕВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени Ломоносова»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>,
e-mail: korneeff@gmail.com

С.И. РЕЗНИЧЕНКО

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-7930-8790>,
e-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

Цель. Осуществлена первая в России психометрическая проверка Опросника аутентичности Керниса-Голдмана, включающего в первоначальной версии 45 утверждений и четыре шкалы: *Осознанность*, *Непредвзятость*, аутентичное *Поведение* и *Отношения*. Опросник разработан в рамках экзистенциальной парадигмы психологии личности. **Процедура и методы.** В исследовании приняты участие 704 респондента (144 мужского пола, 559 женского, в возрасте от 17 до 32 лет: $M = 19,23$; $SD = 0,99$). Для проверки конвергентной валидности использовались *Шкала аутентичности* (субшкалы: *Аутентичная жизнь*, *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение*) и одношкальная *Московская шкала аутентичности*. Применялись конфирматорный факторный анализ, параметрические и непараметрические статистические методы. **Результаты**

и выводы. В ходе адаптации Опросник аутентичности был сокращен до 32 (по 8 в каждой из шкал) пунктов, при сохранении исходной четырехфакторной структуры. Факторная модель сокращенной версии опросника показала приемлемые индексы соответствия данным (CFI = 0,936; TLI = 0,930; RMSEA = 0,060; SRMR = 0,065) и удовлетворительные показатели внутренней надежности шкал ($\alpha=0,67-0,79$). Обнаружено, что в женской группе выше показатель аутентичных *Отношений*, а в мужской — *Осознанности*. Обнаружено также, что показатели адаптируемого опросника положительно коррелируют с показателями *Аутентичной жизни* и *Московской шкалы аутентичности* и отрицательно — с показателями *Принятия внешнего влияния* и *Самоотчуждения*. Исследование показало адекватные психометрические качества русскоязычной версии опросника. Методика может быть рекомендована к использованию в исследованиях и консультативном процессе.

Ключевые слова: аутентичность, благополучие, экзистенциальная психология, психометрика, валидность, надежность.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ (проект № 20-18-00262).

Для цитаты: Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И. Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 3. С. 150—171. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309>

A SHORT VERSION OF THE KERNIS-GOLDMAN AUTHENTICITY INVENTORY: ADAPTATION IN RUSSIA

SOFYA K. NARTOVA-BOCHAVER

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>,

e-mail: s-nartova@yandex.ru

ALEKSEI A. KORNEEV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>,

e-mail: korneeff@gmail.com

SOFIA I. REZNICHENKO

HSE University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7930-8790>,

e-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

Aim. The first psychometric verification of the Kernis–Goldman *Authenticity Inventory*, which includes 45 statements and four scales in the initial version, such as *Awareness*, *Unbiased processing*, *authentic Behavior*, and *Relational orientation*, was carried out in Russia. The questionnaire was developed within the framework of the existential paradigm of personality psychology. **Procedure and method.** The study involved 704 respondents (144 male, 559 female, aged 17 to 32 years). To check the convergent validity, the *Authenticity scale* (subscales: *Authentic living*, *Acceptance of external influence*, and *Self-Alienation*) and the single-scale *Moscow authenticity scale* were used. Confirmatory factor analysis, parametric and nonparametric statistical methods were used. **Results and conclusion.** During the adaptation, the *Authenticity inventory* was reduced to 32 points (per 8 in each of the scales), in order to keep the original factor structure. It was found that the *Relational orientation* score is higher in females, and *Awareness* is higher in males. It was also found that the indicators of the adapted questionnaire positively correlate with the scores of *Authentic living* and the *Moscow authenticity scale*, and negatively — with the scores of *Acceptance of external influence* and *Self-alienation*. The study showed the structural and convergent validity of the Russian-language version of the questionnaire. The new tool can be recommended for evaluating the effectiveness of various interventions and for research.

Keywords: authenticity, existential psychology, awareness, authentic behavior, relational orientation, unbiased processing, psychometrics, validity, consistency.

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number № 20-18-00262.

For citation: Nartova-Bochaver S.K., Korneev A.A., Reznichenko S.I. A Short Version of the Kernis–Goldman Authenticity Inventory: Adaptation in Russia. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 3 pp. 150–171. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300309> (In Russ.).

Наша работа посвящена адаптации к российской культуре многошкального *Опросника аутентичности* (the *Authenticity Inventory*) М. Керниса и Б. Голдмана, предназначенного для диагностики соответствующей личностной черты [17]. Слово «аутентичность» (греческий — αὐθεντικός означает истинный, настоящий, подлинный, αἰθεντέω — исполненный энергии) отражает стремление и способность человека к тому, чтобы быть верным себе и обладать ресурсом для осуществления этого стремления. Аутентичность как явление дополняет и уравнивает собой эмпирическое Я человека, которое в настоящий момент утрачивает свое определяющее значение: в современном быстро меняющемся мире человек на протяжении жизненного пути может несколько раз менять свои социальные идентичности (этническую, религиозную, экономическую, гендерную), свой личный нарратив, а в условиях усиления моды на аскетизм и экологический стиль жизни самоподтверждение через внешние атрибуты становится все менее убедительным.

Тема аутентичной личности, не находясь в мейнстриме психологии, тем не менее, постоянно усиливает свое присутствие и в науке, и в практике [6; 7; 10; 11; 13; 16; 18; 19; 22; 23; 25; 26; 28; 30]. Существует множество свидетельств тому, что аутентичность связана с разными аспектами психологического благополучия [1; 12; 31]. В психотерапии и практической психологии концепт аутентичности также не обходят вниманием: много работ посвящено тому, как преодолеть самоотчуждение (отсутствие аутентичности) и обрести целостность и верность себе [4]. Примечательно, что психологические работы по проблеме аутентичности часто предваряются эпиграфами, демонстрируя ее включенность в общекультурное пространство и таким образом показывая ее общечеловеческий, внеисторический масштаб.

Аутентичность личности концептуализировалась по-разному и остается феноменом, чрезвычайно сложным для объективации и доказательного исследования. Неслучайно в современных работах применительно к этому понятию нередко используют выражения *troubling* (трудное), *elusive* (неуловимое), *the enigma of being yourself* (таинство бытия собой). Большинство исследователей избегают строгих определений и ограничиваются описательными. Еще одна сложность изучения аутентичности личности состоит в том, что это «высшее» качество личности очень мало связано с темпераментом, характером или базовыми чертами [3], однако, по-видимому, высоко обусловлено фактором культуры и возможностями языка [17]. О культурной сензитивности и не-универсальности толкования аутентичности говорят серьезные трудности в адаптации стандартизированных методик ее измерения к другим культурам.

Чаще всего аутентичность рассматривается как черта, которая, естественно, высоко коррелирует и с состояниями, и с поведением, и с межличностными проявлениями — подлинными, искренними отношениями с другими людьми [32; 33]. Между тем водораздел между парадигмами проходит именно в области понимания того, чему именно человек считает должным сохранять лояльность — своей природе (полу, темпераменту и характеру), идеалам, автономии в принятии решений или межличностным предпочтениям и референтной группе. Мы полагаем, что уточнение объекта верности критически важно для ожидаемых и реальных эффектов достигнутой аутентичности или самоотчуждения — чему верен и что предает человек. Аутентичность личности мы определяем как верность человека своей природе, предназначению, месту и времени, в которое он оказался «вброшен». Развитие этого качества предполагает осознание его как ценности, наличие черты, отвечающей за сензитивность к присутствию аутентичности, и наличие соответствующих жизненных навыков.

К настоящему моменту существует несколько концепций аутентичности. Наиболее популярна в мире концепция, предложенная в рамках

лично-ориентированного подхода и лежащая в основе популярной *Шкалы аутентичности* А. Вуда и др. [33]. Аутентичность рассматривается авторами как трехкомпонентная черта личности, включающая *Аутентичную жизнь*, отсутствие *Принятия внешнего влияния* и *Самоотчуждения* (две последние шкалы входят в черту как отрицательные). *Принятие внешнего влияния*, в сущности, аккумулирует весь спектр реакций человека на присутствие в его жизни других людей: даже если он совершенно осознанно и произвольно идет на самоограничение в пользу других людей или под их воздействием, в рамках рассматриваемой концепции это будет толковаться как нарушение аутентичности. Именно эта особенность роджерсианского толкования аутентичности («культ Калифорнийского индивидуализма», как пишут Н. Штротингер, Дж. Кнобе и Дж. Ньюман [29]) имплицитно подразумевает неизбежное противопоставление человека обществу как источнику угрозы для его подлинной личности.

В России было предпринято несколько попыток адаптации *Шкалы аутентичности* [21; 24], и хотя в результате были получены вполне рабочие версии, радикальная модификация исходного варианта не позволяет использовать эту шкалу в кросс-культурном исследовании. Вероятно, это связано именно с особенностями российской ментальности: будучи представителями неиндивидуалистической культуры, россияне гармонично сочетают тесные межличностные связи с верностью своему истинному Я.

Другая, более экологически валидная для российской культуры версия понимания аутентичности предложена Д.А. Леонтьевым и А.Е. Шильманской [2], которые рассматривают это качество как одну из составляющих жизненной позиции, отражающую верность человека своему призванию. Таким образом, аутентичность выводится за рамки дискретного момента или ситуации в пространство жизненного пути, становясь не просто чертой или установкой, а макроединицей описания человеческой личности. Совсем недавний синтез лично-ориентированного и экзистенциального подходов к аутентичности показал, что можно говорить о двух измерениях диспозициональной аутентичности, а именно, внутренней (inner) и внешней (outer) [8].

Наконец, исходя из холистического понимания взаимодействия человека и мира, присущего субъектному подходу, развиваемому в рамках теории С.Л. Рубинштейна [5], предложена отечественная концепция аутентичности как черты личности, отражающей соответствие и верность человека своей индивидуальности, пространственно-временным условиям жизни и предназначению в целом. Аутентичная личность понимается как неразрывно связанная с окружающим миром, физической и социальной средой и не способная существовать вне этого контекста. Для исследования аутентичности в этом понимании была создана краткая Московская шкала аутентичности [24], которая показала очень хорошие

психометрические характеристики и множество легко интерпретируемых связей в исследованиях.

Мы прогнозируем востребованность *Опросника аутентичности* Керниса-Голдмана в России в силу близости россиянам идей экзистенциальной психологии личности, которые положены в основу создания этого инструмента, его гуманистического содержания и оригинальности субшкал, не повторяющих шкалы других аналогичных опросников. Несмотря на некоторое сходство личностно-ориентированного подхода и экзистенциальной психологии, присутствует различие в их идеологической направленности: если в личностно-ориентированной психологии истинность человеческого бытия и отдельных событий верифицируется чувством внутреннего согласия (человек *само*-актуализируется), то в экзистенциальной психологии цель движения жизни, ее логос, всегда внеположны личности. Соответственно, бытие — это всегда «бытие-в-мире», которое составляет Я не «как независимую изолированную часть мира, а скорее отражает экзистенциальную модификацию того, как человек сосуществует с другими» [17, с. 291]. Согласно М. Кернису и Б. Голдману, водоразделом между истинным и ложным Я служит именно отношение к другим людям. Другая особенность понимания аутентичности обсуждаемыми авторами — это реалистичность представления о себе, которое не совпадает с идеальным Я или «лучшей версией себя», а допускает право на ошибку и присутствие естественных несовершенств, которые и служат источником саморазвития. Наконец, для М. Керниса и Б. Голдмана существенным критерием аутентичности является согласованность понимания, отношений и реального поведения. Ссылаясь на теорию самодетерминации Э. Дейси и Р. Райана [26], которые полагают, что люди аутентичны, если их действия автономны, произвольны и отражают их истинное (true) или ядерное (core) Я, М. Кернис и Б. Голдман предложили следующие четыре компонента аутентичности как черты личности: *осознанность* (awareness), *непредвзятость* (по отношению к себе) (unbiased processing), *поведение* (behavior) и *отношения* (relational orientation).

Осознанность включает знания человека о своих мотивах, чувствах, желаниях, доверие этим знаниям и желанию их расширить. Аутентичный человек осознает даже те намерения или качества, которые не прибавляют ему уверенности и самоуважения, например, знание того, какой тип пищи ему нравится или насколько он мотивирован к тому, чтобы похудеть. Можно сказать, что такой человек знает и познает самого себя.

Непредвзятость предполагает способность человека без искажений воспринимать даже малоприятную информацию о себе, не создавая избыточных психологических защит. Поскольку невозможно личностно развиваться без умения видеть свои слабости, непредвзятость отражает скорее личностный потенциал, нежели уязвимость личности, и таким образом приближает ее к истинному Я.

Аутентичное поведение человека соответствует его ценностям, предпочтениям и потребностям, в отличие от «ложного», которое осуществляется, чтобы угодить другим, получить вознаграждение, избежать наказания, прославить или осудить себя и других. По сути, этот компонент отражает поведенческое выражение *осознанности* и *непредвзятости* по отношению к себе. В то же время аутентичность проявляется не в импульсивном стремлении «быть самим собой», а скорее в свободном и естественном выражении основных чувств, мотивов и склонностей.

Наконец, четвертый компонент аутентичности — это ориентация на *отношения* с другими людьми, которые представляют безусловную ценность. Аутентичность в *отношениях* означает признание важности того, чтобы близкие люди видели субъекта настоящим, подлинным и чтобы он сам допускал это видение, повышая согласованность своего бытия и разных аспектов своего Я.

Таким образом, аутентичность как свойство личности в понимании М. Керниса и Б. Голдмана радикально отличается от других концепций, дополняя их и стимулируя развитие идей аутентичности в совершенно иных направлениях. Все это мотивировало нас к тому, чтобы предпринять попытку адаптации *Опросника аутентичности* к российской культуре.

Опросник, позволяющий изучить именно это представление об аутентичности, был опубликован в 2006 году на волне энтузиазма в отношении идей позитивной психологии, развернувшей персонологические исследования в сторону изучения ресурсных качеств личности, включая трудно определяемые и очень сложные [17]. Общее количество утверждений опросника составляет 45.

Как ни странно, попыток адаптации опросника к иным культурам к настоящему моменту весьма немного, вероятно, в силу сложной структуры и большого количества утверждений, в том числе психометрически слабых [32]. Факторная структура опросника чаще не подтверждается, однако интерес к нему, в силу оригинального содержания, все же не угасает. К настоящему моменту известна адаптация опросника в Турции [14] и в Украине [34]. Были предприняты успешные попытки создания в США кратких форм опросника: из 20 и даже из 12 утверждений [9; 31]. Поэтому, приступая к адаптации метода в России, авторы были готовы к неизбежности его модификации.

Цель данного исследования состояла в создании русскоязычной версии *Опросника аутентичности* Керниса—Голдмана. Были выдвинуты две **гипотезы**.

1. Русскоязычная версия *Опросника аутентичности* Керниса—Голдмана сохраняет исходную структуру (обладает структурной валидностью).

2. Русскоязычная версия *Опросника аутентичности* Керниса—Голдмана обладает конвергентной валидностью (ее показатели по-

ложительно коррелируют с показателями других шкал, измеряющих аутентичность, и отрицательно — с показателями нарушения аутентичности).

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 704 респондента, из них 144 мужского пола и 559 женского, в возрасте от 17 до 32 лет, $M_{\text{возраст}} = 19,23$, $SD_{\text{возраст}} = 0,99$. Все участники исследования — русскоязычные студенты одного из международных университетов России, представители разных, в том числе не гуманитарных, специальностей и отделений, граждане Российской Федерации. Данные были собраны в 2018—2019 гг. посредством сервиса Ika.si. Участие было полностью добровольным; от респондентов было получено согласие на участие в исследовании и анонимную публикацию результатов; исследование было одобрено Комиссией по этике департамента психологии НИУ ВШЭ.

Методики. Использовались следующие стандартизированные опросники.

1. *Опросник аутентичности* Керниса—Голдмана — целевой инструмент, адаптации которого посвящено исследование. Опросник включает четыре субшкалы (*Осознанность, Непредвзятость, Поведение и Отношения*) и 45 утверждений; используется 5-балльная шкала Ликерта [17].

2. *Шкала аутентичности* А. Вуда и др. (2008), включающая три шкалы: *Аутентичную жизнь, Принятие внешнего влияния* и *Самоотчужденность*; используется 7-балльная шкала Ликерта. Применялось две русскоязычные адаптации. Версия 2020 года [21] включала 12 пунктов; версия 2021 года [24] — 11, при сохранении оригинальной факторной структуры.

3. *Московская шкала аутентичности* [24] — включает пять утверждений; используется 5-балльная шкала Ликерта.

Процедура и дизайн исследования. Прежде всего от автора опросника Б. Голдмана было получено разрешение на адаптацию опросника, включая его возможные модификации. Затем двумя независимыми переводчиками был осуществлен перевод утверждений на русский язык, версии перевода были обсуждены для выбора наиболее точного, и проведен обратный перевод. После дополнительного уточнения и редактирования неясных утверждений опросник был запущен в работу.

После получения эмпирических данных структура опросника была оценена с помощью конфирматорного факторного анализа. Так как при ответе на отдельные вопросы в опроснике используется 5-балльная шкала, ответы не распределены нормально, а исходная шкала ответов на каждый

из пунктов порядковая, мы использовали метод взвешенных наименьших квадратов с поправками среднего и дисперсии, который подходит для обработки таких данных [20]. Надежность шкал оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха. Сравнение групп проводилось с помощью t-критерия Стьюдента, анализ соотношения шкал опросника с возрастом испытуемых — с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, а связи с результатами других методов для оценки конвергентной валидности оценивались с помощью корреляции Пирсона.

Результаты

Исходная модель включала 4 фактора, соответствующих шкалам опросника — *Осознанность*, *Поведение*, *Отношения* и *Непредвзятость*, с которыми связывались все пункты переведенной версии опросника. Полученные на этой модели оценки соответствия данным оказались недостаточно хороши ($\chi^2(939) = 6695$; CFI = 0,832; TLI = 0,823; RMSEA = 0,093 [0,091; 0,095]; SRMR = 0,094), в соответствии с ранее проведенными исследованиями [9; 31], в которых не удалось сохранить первоначальное содержание опросника без его сокращения. Поэтому нами также была проведена работа по отбору наиболее существенных пунктов, многие из которых совпали с теми, что были оставлены в указанных адаптациях, свидетельствуя о некоторой кросс-культурной инвариантности метода. Мы ориентировались на величину факторной нагрузки, исключая пункты с самыми слабыми нагрузками, и изменение показателей надежности при исключении пункта из шкалы, критически относясь к тем пунктам, при исключении которых надежность шкал повышалась или не изменялась. Также все утверждения рассматривались относительно контента — были исключены наименее однозначные с точки зрения принадлежности к соответствующей шкале. В результате в каждой шкале было оставлено по 8 пунктов. Корреляции между остатками в модели были исключены. Оценки этой модели оказались приемлемыми¹ для принятия ее как соответствующей данным, полученным на русскоязычной выборке ($\chi^2(458) = 1682$ ($p < 0,001$); CFI = 0,936; TLI = 0,930; RMSEA = 0,060 [0,057; 0,063]; SRMR = 0,065), и мы остановились на этой версии опросника. Факторные нагрузки и показатели надежности итоговых шкал представлены в табл. 1.

¹ Модель оценивается как хорошая при RMSEA < 0,080 и критериях согласия модели CFI и индексе Такера–Льюиса TLI (хорошими считаются оценки больше 0,900 [27]).

Таблица 1

**Факторные нагрузки и оценки надежности шкал в финальной версии
 Опросника аутентичности Керниса—Голдмана**

Номер пункта Первоначальный/ новый		Утверждение	Факторная нагрузка *	Доля объясненной дисперсии (R ²)
Шкала Осознанность (8 пунктов, $\alpha = 0,793$)				
1R	1R	Я часто путаюсь в своих чувствах	0,647 (0,025)	0,418
3	3	Хорошо это или плохо, но я знаю, кто я на самом деле	-0,423 (0,033)	0,179
4	4	Я понимаю, почему доверяю тому, что чувствую или думаю о себе	-0,662 (0,024)	0,438
9	8	Я очень хорошо понимаю, почему я делаю то, что делаю	-0,700 (0,022)	0,490
14R	13R	Я не в контакте со своими сокровенными мыслями и чувствами	0,712 (0,026)	0,507
21	18	Я в состоянии отличить те аспекты моей личности, которые важны для моего истинного Я, от тех, что не важны	-0,444 (0,03)	0,197
34R	26R	Я часто не в контакте с тем, что для меня важно	0,688 (0,025)	0,473
38	29	Я в контакте со своими мотивами и желаниями	-0,649 (0,025)	0,421
Шкала Поведение (8 пунктов, $\alpha = 0,705$)				
2R	2R	Я часто притворяюсь, что мне что-то нравится, хотя на самом деле это не так	0,667 (0,027)	0,445
8R	7R	Промолчал или кивнул головой, я часто выражаю согласие с каким-то заявлением или чьей-то позицией, хотя на самом деле я не согласен(на)	0,548 (0,030)	0,300
10R	9R	Я готов(а) изменить себя для других, если вознаграждение ощутимо	0,301 (0,039)	0,091
11R	10R	Мне легко притвориться кем-то другим(ой), кроме того(й), кто я есть	0,374 (0,037)	0,140
25	21	Я стараюсь действовать в соответствии с моими личными ценностями, даже если другие критикуют или отвергают меня за это	-0,578 (0,031)	0,334

Номер пункта Первоначальный/ новый		Утверждение	Факторная нагрузка *	Доля объясненной дисперсии (R ²)
27R	22R	Я часто делаю то, что не хочу делать, просто чтобы не разочаровать людей	0,645 (0,029)	0,415
32	24	Я редко, если вообще когда-либо это делаю, надеваю «личину» перед другими людьми	-0,495 (0,035)	0,245
33R	25R	Я трачу много энергии на достижение целей, которые очень важны для других людей, даже если они не важны для меня самого(й)	0,508 (0,033)	0,258
Шкала <i>Отношения</i> (8 пунктов, $\alpha = 0,729$)				
5	5	Я хочу, чтобы близкие люди понимали мои сильные стороны	0,510 (0,038)	0,260
12	11	Я хочу, чтобы близкие люди понимали мои слабости	0,449 (0,035)	0,202
15	14	Я взял(а) за правило давать понять близким, насколько я действительно забочусь о них	0,492 (0,035)	0,242
18	16	Если спросить моих близких, они могут точно описать, что я за человек	0,538 (0,033)	0,290
23	19	Мне важно понимать потребности и желания близких	0,681 (0,029)	0,464
24	20	Я хочу, чтобы близкие люди понимали реального(ую) меня, а не только мою публичную персону или «имидж»	0,641 (0,036)	0,411
40	30	В целом, я очень ценю близких людей, которые понимают, кто я есть на самом деле	0,769 (0,027)	0,591
44	32	Моя открытость и честность в близких отношениях очень важны для меня	0,671 (0,033)	0,451
Шкала <i>Непредвзятость</i> (8 пунктов, $\alpha = 0,665$)				
7R	6R	Мне очень некомфортно объективно рассматривать свои ограничения и недостатки	0,685 (0,029)	0,469
13R	12R	Я считаю, что отнестись к себе критически очень трудно	0,483 (0,036)	0,234
16R	15R	Мне трудно принять свои недостатки, и поэтому я стараюсь представлять их в наилучшем свете	0,543 (0,033)	0,295
19R	17R	Я предпочитаю не замечать свои самые темные мысли и чувства	0,562 (0,034)	0,316

Номер пункта Первоначальный/новый		Утверждение	Факторная нагрузка *	Доля объясненной дисперсии (R ²)
30R	23R	Я предпочел(а) бы скорее чувствовать себя хорошо, чем объективно оценивать ограничения и недостатки своей личности	0,598 (0,033)	0,358
35R	27R	Я стараюсь блокировать любые неприятные чувства о себе	0,578 (0,033)	0,334
37R	28R	Я нахожу, что часто слишком критично отношусь к себе	0,198 (0,043)	0,039
42R	31R	Если кто-то указывает на мои недостатки или фокусируется на них, я быстро пытаюсь вычеркнуть это из сознания и забыть	0,394 (0,036)	0,155

Примечание: «*» — в скобках указаны стандартные ошибки. Все нагрузки отличаются от нуля на уровне $p < 0,001$. R — ключ перевёрнут.

Анализ показал, что интеркорреляции шкал модифицированной версии опросника значимо положительны, за исключением связей между субшкалами *Отношения* и *Непредвзятость*, которые содержательно наиболее далеки друг от друга (табл. 2).

Таблица 2

**Корреляция между показателями четырех шкал
Опросника аутентичности Кернса—Голдмана**

	Поведение	Отношения	Непредвзятость
Осознанность	0,477*	0,234*	0,352*
Поведение		0,177*	0,465*
Отношения			0,046

Примечание: «*» — корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Таким образом, можно заключить, что после модификации, связанной с отбором наиболее сильных и релевантных содержанию шкал утверждений, структурная валидность *Опросника аутентичности* сохранилась (подтверждая гипотезу 1).

Распределение и описательная статистика баллов по четырем шкалам представлены на рис. 1 и в табл. 3 соответственно.

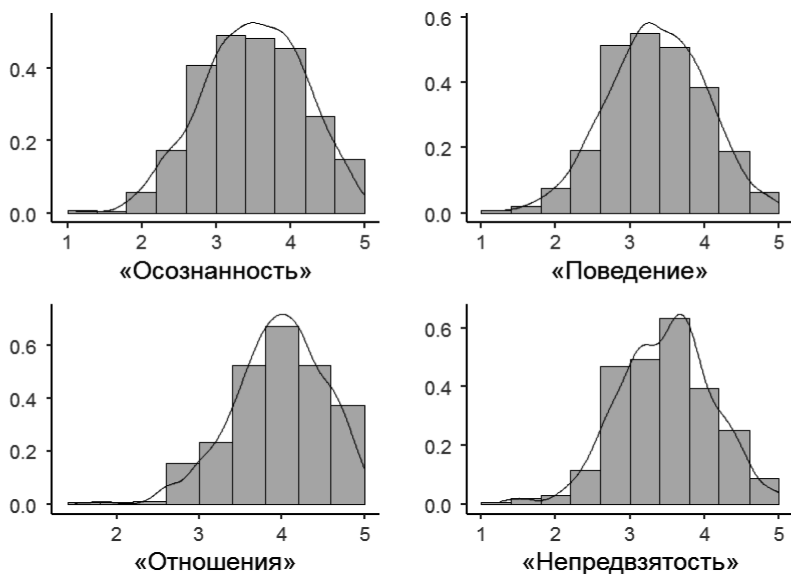

Рис. 1. Распределение баллов по шкалам опросника

Таблица 3

**Описательная статистика баллов по четырем шкалам
 Опросника аутентичности Керниса-Голдмана**

Шкала	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего	Асимметрия	Экссесс
Осознанность	3,500	0,682	0,026	-0,208	-0,330
Поведение	3,351	0,654	0,025	-0,116	-0,167
Отношения	3,956	0,562	0,021	-0,583	0,657
Непредвзятость	3,474	0,630	0,024	-0,201	0,172

Как видно из рис. 1 и табл. 3, по всем шкалам наблюдается небольшая отрицательная асимметрия (минимальная по шкале *Поведение*, максимальная по шкале *Отношения*): большая часть выборки скапливается на верхнем полюсе шкалы и набирает близкое к максимальному количество баллов, означая, что методика более чувствительна в нижней части шкалы, а в верхней несколько слабее дифференцирует респондентов по соответствующим шкалам.

Далее, было проведено сравнение мужской и женской частей выборки по показателям шкал методики (таблица 4). Значимые различия между мужской и женской частями выборки получены прежде всего по шкале *Отношения* (у женщин в среднем наблюдается более высокий балл); величина статистического эффекта, впрочем, не очень высока. Также значимой, хотя и слабой, оказалась разница между мужчинами и женщинами по шкале *Осознанность*, — этот показатель немного выше в мужской части выборки.

Таблица 4

Сравнение средних значений по шкалам Опросника аутентичности Керниса—Голдмана у мужчин и женщин

Шкала	Средние значения (ст. откл.)		Результаты сравнения с помощью t-критерия	d Коэна
	Муж (n = 144)	Жен (n = 559)		
Осознанность	3,606 (0,717)	3,473 (0,671)	t(212,202) = 2,011, p = 0,046	-0,195
Поведение	3,300 (0,661)	3,364 (0,652)	t(220,269) = -1,041, p = 0,299	0,098
Отношения	3,772 (0,599)	4,005 (0,542)	t(207,351) = -4,253, p < 0,001	0,422
Непредвзятость	3,553 (0,669)	3,456 (0,618)	t(210,043) = 1,575, p = 0,117	-0,154

Для оценки конвергентной валидности были рассчитаны корреляции шкал опросника с результатами других методик: *Шкалы аутентичности* Вуда и др. в двух версиях (2020 и 2021 года) и *Московской шкалы аутентичности (МША)* (табл. 5). В соответствии с гипотезой 2 было обнаружено, что шкалы *Опросника аутентичности* образовали значимые положительные связи со всеми показателями аутентичности (*Аутентичной жизни*, *Московской шкалы аутентичности*) и отрицательные — с показателями, свидетельствующими о нарушении аутентичности (*Самоотчуждения* и *Принятия внешнего влияния*).

Обсуждение результатов

В соответствии с ожиданиями, благодаря удалению слабых и неоднозначных утверждений нам удалось сохранить исходную четырехфакторную структуру *Опросника аутентичности*. Получены также значимые связи с другими шкалами, измеряющими аутентичность либо ее вы-

Таблица 5
 Корреляции полученных шкал Опросника аутичности Керниса—Голдмана с результатами
 Шкалы аутичности и Московской шкалы аутичности (МША)

Шкалы Опросника Керниса— Голдмана	Шкала аутичности								МША (N=430)
	Аутичная жизнь		Принятие внешнего влияния				Самоощущение		
	Версия 2020 (N = 274)	Версия 2021 (N = 430)	Версия 2020 (N=274)	Версия 2021 (N=430)	Версия 2020 (N=274)	Версия 2021 (N=430)			
Осознанность	$r = 0,477,$ $p < 0,001$	$r = 0,520,$ $p < 0,001$	$r = -0,334,$ $p < 0,001$	$r = -0,77,$ $p < 0,001$	$r = -0,675,$ $p < 0,001$	$r = -0,452,$ $p < 0,001$	$r = 0,721,$ $p < 0,001$		
Поведение	$r = 0,414,$ $p < 0,001$	$r = 0,524,$ $p < 0,001$	$r = -0,530,$ $p < 0,001$	$r = -0,438,$ $p < 0,001$	$r = -0,360,$ $p < 0,001$	$r = -0,598,$ $p < 0,001$	$r = 0,427,$ $p < 0,001$		
Отношения	$r = 0,208,$ $p = 0,002$	$r = 0,087,$ $p = 0,216$	$r = -0,045,$ $p = 0,46$	$r = -0,098,$ $p = 0,215$	$r = -0,178,$ $p = 0,009$	$r = -0,097,$ $p = 0,215$	$r = 0,243,$ $p < 0,001$		
Непредвзятость	$r = 0,349,$ $p < 0,001$	$r = 0,373,$ $p < 0,001$	$r = -0,380,$ $p < 0,001$	$r = -0,324,$ $p < 0,001$	$r = -0,287,$ $p < 0,001$	$r = -0,409,$ $p < 0,001$	$r = 0,248,$ $p < 0,001$		

раженное отсутствие. Необходимо отметить, что не все исследователи, работающие с опросником [34], предпринимали проверку устойчивости его факторной структуры, в силу чего трудно сделать вывод о его кросс-культурной инвариантности. Наши результаты вполне согласуются с двумя другими успешными попытками создания кратких версий Опросника аутентичности [9; 31].

Различия между гендерными группами (показатель *Осознанности* выше в мужской, а аутентичных *Отношений* — в женской) отличаются от данных авторов оригинальной версии, получивших отсутствие различий по полу [17], однако кажутся легко интерпретируемыми в контексте современных гендерных теорий, идентифицирующих преимущественно эмпатическую ориентацию у женщин и ориентацию на социальное доминирование у мужчин, обусловленных асимметрией гендерных ролей.

Корреляции новых шкал с двумя версиями шкал А. Вуда отчасти согласованы, хотя можно отметить несколько отличий. Шкала *Аутентичная жизнь* в версии 2020 положительно коррелирует со всеми шкалами нашей версии Опросника Керниса—Голдмана (слабее всего — со шкалой *Отношения*). В версии 2021 эта шкала сильнее коррелирует со шкалами *Осознанность*, *Поведение* и *Непредвзятость*, однако корреляция со шкалой *Отношения* становится незначимой, отражая, впрочем, идеологию *Шкалы аутентичности* А. Вуда и др. как инструмента, не подразумевающего подлинность межличностных отношений. Шкала *Принятие внешнего влияния* в обеих версиях отрицательно коррелирует со шкалами *Осознанность* (заметно сильнее в версии 2021), *Поведение* (сильнее в версии 2020) и *Непредвзятость* (приблизительно одинаково в обеих версиях); связь со шкалой *Отношения* незначима в обеих версиях. Наконец, шкала *Самоотчуждение* отрицательно коррелирует со шкалами *Осознанность* (сильнее в версии 2020), *Поведение* и *Непредвзятость* (с обеими сильнее в версии 2021). Шкала *Отношения* слабо, но значимо отрицательно коррелирует с показателем *Самоотчуждения* в версии 2020 и незначимо и совсем слабо — в версии 2021. В целом можно сказать, что по шкале *Отношения* связь между двумя опросниками слаба или отсутствует — предположительно это может быть вызвано тем, что шкала *Отношения*, в сущности, единственная, которая эксплицитно представляет внешнее выражение аутентичности личности. По остальным шкалам получена согласованность двух методик.

Что касается *Московской шкалы аутентичности*, то она максимально сильно положительно коррелирует со шкалой *Осознанность*, также умеренно положительно — со шкалой *Поведение* и относительно слабо, но все же значимо — со шкалами *Отношения* и *Непредвзятость*.

Обобщая, можно сказать, что, как и ожидалось, имеющие положительную коннотацию шкалы *Опросника аутентичности* положительно

связаны со всеми также имеющими положительное содержание субшкалами других опросников и отрицательно — с теми, что грузятся в общий фактор отрицательно. Эти результаты свидетельствуют о высокой конвергентной валидности адаптируемого инструмента.

Заключение

Интерес к теме аутентичности личности побуждает расширять арсенал инструментов, которые бы способствовали изучению этого сложно верифицируемого феномена. Осуществленная нами психометрическая работа показала, что при условии сокращения количества утверждений за счет слабо работающих и неоднозначных *Опросник аутентичности Керниса—Голдмана* имеет достаточные психометрические характеристики для оценки выраженности аутентичности в российской популяции и дополняет представления о подлинном Я за счет не представленных в других опросниках шкал — *Осознанности, Непредвзятости, ориентации на аутентичные Отношения и Поведения*. Русскоязычная версия опросника обладает структурной и конвергентной валидностью. Использование этого метода полезно в контексте мониторинга разного рода интервенций для оценки их эффективности, а также в профилактике либо исследованиях опытов, предположительно включающих угрозу самоотчуждения личности — например, экстремальных событий или профессионального выгорания.

Перспективы дальнейшей работы с *Опросником аутентичности* заданы ограничениями данного исследования (отсутствие тест-ретеста, недостаточная проверка содержательной валидности, однородная по возрасту молодежная выборка, высокий образовательный ценз) видятся в расширении выборки применения, получении данных на группах с возможно большим/меньшим уровнем аутентичности личности, в силу жизненной ситуации или профессии, и, конечно же, исследованиях с новыми личностными переменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 58—77. DOI:10.17759/psyclin.2019080104
2. Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90—100.
3. Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал ВШЭ. 2020. Том 17. №. 3. С. 500—519. DOI:10.17323/1813-8918-2020-3-500-519

4. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслотрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. Том 3. № 4. С. 68—77. DOI:10.17759/chp.2007030408
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб: Питер, 2012. 224 с.
6. Baumeister R.F. The Self Explained: Why and How We Become Who We Are. NY: Guilford Publications, 2022. 420 p.
7. Baumeister R.F. Stalking the true self through the jungles of authenticity: Problems, contradictions, inconsistencies, disturbing findings—And a possible way forward // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 143—154. DOI:10.1177/1089268019829472
8. Bayır-Toper A., Sellman E., Joseph S. Examining the structure of authenticity: A factor analytic study of the Authenticity Scale and Authenticity Inventory Subscales // The Humanistic Psychologist. 2020. Vol. 50(2). P. 304—319. DOI:10.1037/hum0000223
9. Bond M.J., Strauss N.E., Wickham R.E. Development and validation of the Kernis-Goldman authenticity inventory-short form (KGA1-SF) // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 134. P. 1—6. DOI: 10.1016/j.paid.2018.05.033
10. Chen S. Authenticity in context: Being true to working selves // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 60—72. DOI:10.1037/gpr0000160
11. Finkel E.J. Complementing the sculpting metaphor: Reflections on how relationship partners elicit the best or the worst in each other // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 127—132. DOI:10.1037/gpr0000163
12. Goldman B.M., Kernis M.H. The role of authenticity in healthy psychological functioning and subjective well-being // Annals of the American Psychotherapy Association. 2002. Vol. 5. №. 6. P. 18—20.
13. Hicks J.A., Schlegel R.J., Newman G.E. Introduction to the special issue: Authenticity: Novel insights into a valued, yet elusive, concept // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 3—7. DOI:10.1177/1089268019829474
14. Imamoglu O., Günaydın G., Selçuk E. Individuation and relatedness as predictors of the authentic self: Beyond gender and cultural orientations // Turkish Journal of Psychology. 2011. Vol. 2. № 67. P. 44—48.
15. Jiang T., & Sedikides C. Awe motivates authentic-self pursuit via self-transcendence: Implications for prosociality // Journal of Personality and Social Psychology. Advance online publication. 2021. P. 576—596. DOI:10.1037/pspi0000381
16. Jongman-Sereno K.P., Leary M.R. The enigma of being yourself: A critical examination of the concept of authenticity // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 133—142. DOI: 10.1037/gpr0000157
17. Kernis M.H., Goldman B.M. A Multicomponent Conceptualization of Authenticity: Theory and Research // Advances in Experimental Social Psychology. 2006. Vol. 38. P. 283—357. DOI:10.1016/S0065-2601(06)38006-9
18. Kovács B. Authenticity is in the eye of the beholder: The exploration of audiences' Lay Associations to authenticity across five domains // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 32—59. DOI:10.1177/1089268019829469
19. Lehman D.W., O'Connor K., Carroll G.R. Acting on authenticity: Individual interpretations and behavioral responses // Review of General Psychology. 2019. Vol. 23. № 1. P. 19—31. DOI:10.1177/1089268019829470
20. Muthén L.K., Muthén B.O. Mplus user's guide. 8th Ed. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén, 1998—2017. 950 p.

21. *Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J.* The Authenticity scale: validation in Russian culture // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. Article 609617. DOI:10.3389/fpsyg.2020.609617
22. *Newman G.E.* The psychology of authenticity // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 8—18. DOI:10.1037/gpr0000158
23. *Nicolotti M., Magrin M.E.* Authenticity: Psychological Perspectives and Operationalizations // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. 2020. P. 1—7. DOI:10.1007/978-3-319-69909-7_104669-1
24. *Reznichenko S.I., Irkhin B.D., Nartova-Bochaver S.K.* Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2021. Vol. 14. № 3. P. 81—102. DOI:10.11621/pir.2021.0305
25. *Rivera G.N., Christy A.G., Kim J., Vess M., Hicks J.A., Schlegel R.J.* Understanding the relationship between perceived authenticity and well-being // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 113—126. DOI:10.1037/gpr0000161
26. *Ryan W.S., Ryan R.M.* Toward a social psychology of authenticity: Exploring within-person variation in autonomy, congruence, and genuineness using self-determination theory // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 99—112. DOI:10.1037/gpr0000162
27. *Schumacker R.E., Lomax R.G.* A beginner's guide to structural equation modeling. London: Psychology press, 2004. 304 p.
28. *Sedikides C., Lenton A.P., Slabu L., Thomaes S.* Sketching the contours of state authenticity // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 73—88. DOI:10.1037/gpr0000156
29. *Strohminger N., Knobe J., Newman G.* The true self: A psychological concept distinct from the self // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. № 4. P. 551—560. DOI:10.1177/1745691616689495
30. *Vess M.* Varieties of conscious experience and the subjective awareness of one's "true" self // *Review of General Psychology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 89—98. DOI:10.1177/1089268019829471
31. *Wenzel A.J., Lucas-Thompson R.G.* Authenticity in college-aged males and females, how close others are perceived, and mental health outcomes // *Sex roles*. 2012. Vol. 67. № 5. P. 334—350. DOI:10.1007/s11199-012-0182-y
32. *White N.* An examination of dispositional authenticity [Электронный ресурс]. Arizona: Arizona State University, 2011. Available at: https://repository.asu.edu/attachments/56345/content/White_asu_0010E_10304.pdf (дата обращения: 30.08.2021).
33. *Wood A.M., Linley P.A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale // *Journal of Counseling Psychology*. 2008. Vol. 55. № 3. P. 385—399. DOI:10.1037/0022-0167.55.3.385
34. *Zlivkov V., Lukomska S., Kotukh O.* Authenticity in the Ukrainian Teacher's Workplace // *Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools*. 2018. Vol. 27. № 3. P. 196—200.

REFERENCES

1. *Bochaver K.A., Danilov A.B., Nartova-Bochaver S.K., Kvitchastij A.V., Gavrilova O.Y.A., Zyazina N.A.* Perspektivy saljutogennogo podhoda k profilaktike

- sindroma vygoraniya u rossijskikh vrachej [Future of Salutogenic Approach to Prevention of Burnout Syndrome in Russian Physicians]. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 1. DOI:10.17759/psyclin.2019080104 (in Russ.).
2. Leont'ev D.A., SHil'manskaya A.E. ZHiznennaya poziciya lichnosti: ot teorii k operacionalizacii [Personal life position: making theoretical notions operational]. *Voprosy psihologii = Questions of Psychology*, 2019, no. 1, pp. 90—100 (in Russ.).
 3. Nartova-Bochaver S.K., Irhin B.D., Reznichenko S.I. Dispozicional'naya autentichnost' vo vnutrilichnostnom prostranstve [Trait Authenticity in the Intrapersonal Space]. *Psihologiya. ZHurnal VSHE = Psychology. HSE Journal*, 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 500—519. DOI:10.17323/1813-8918-2020-3-500-519 (in Russ.).
 4. Osin E.N., Leont'ev D.A. Smyslourata i otchuzhdenie [Estrangement and Loss of Meaning] *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya = Cultural-historical psychology*, 2007. Vol. 3, no. 4, pp. 68—77. DOI: 10.17759/chp.2007030408 (in Russ.).
 5. Rubinshtejn S.L. CHelovek i mir [the man and the world]. Moskva [i dr.]: Piter, 2012. (in Russ.).
 6. Baumeister R.F. *The Self Explained: Why and How We Become Who We Are*. Guilford Publications, 2022.
 7. Baumeister R.F. Stalking the true self through the jungles of authenticity: Problems, contradictions, inconsistencies, disturbing findings—And a possible way forward. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 143—154. DOI: 10.1177/1089268019829472
 8. Bayr-Toper A., Sellman E., Joseph S. Examining the structure of authenticity: A factor analytic study of the Authenticity Scale and Authenticity Inventory Subscales. *The Humanistic Psychologist*, 2020. DOI:10.1037/hum0000223
 9. Bond M.J., Strauss N.E., Wickham R.E. Development and validation of the Kernis-Goldman authenticity inventory-short form (KGAI-SF). *Personality and Individual Differences*, 2018. Vol. 134, pp. 1—6. DOI:10.1016/j.paid.2018.05.033
 10. Chen S. Authenticity in context: Being true to working selves. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 60—72. DOI:10.1037/gpr0000160
 11. Finkel E.J. Complementing the sculpting metaphor: Reflections on how relationship partners elicit the best or the worst in each other. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 127—132. DOI:10.1037/gpr0000163
 12. Goldman B.M., Kernis M.H. The role of authenticity in healthy psychological functioning and subjective well-being. *Annals of the American Psychotherapy Association*, 2002. Vol. 5, no. 6, pp. 18—20.
 13. Hicks J.A., Schlegel R.J., Newman G.E. Introduction to the special issue: Authenticity: Novel insights into a valued, yet elusive, concept. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 3—7. DOI: /10.1177/1089268019829474
 14. Imamoglu O., Günaydin G., Selçuk E. Individuation and relatedness as predictors of the authentic self: Beyond gender and cultural orientations. *Turkish Journal of Psychology*, 2011. Vol. 2, no. 67, pp. 44—48.
 15. Jiang T., & Sedikides C. Awe motivates authentic-self pursuit via self-transcendence: Implications for prosociality. *Journal of Personality and Social Psychology*. Advance online publication. 2021. DOI:10.1037/pspi0000381

16. Jongman-Sereno K.P., d Leary M.R. The enigma of being yourself: A critical examination of the concept of authenticity. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 133—142. <https://doi.org/10.1037/gpr0000157>
17. Kernis M.H., Goldman B.M. A Multicomponent Conceptualization of Authenticity: Theory and Research. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2006. Vol. 38, pp. 283—357. DOI:10.1016/S0065-2601(06)38006-9
18. Kovács B. Authenticity is in the eye of the beholder: The exploration of audiences' Lay Associations to authenticity across five domains. *Review of general psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 32—59. DOI:10.1177/1089268019829469
19. Lehman D.W., O'Connor K., Carroll G.R. Acting on authenticity: Individual interpretations and behavioral responses. *Review of general psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 19—31. DOI:10.1177/1089268019829470
20. Muthen L.K., Muthen B.O. *Mplus user's guide*. 8th Ed. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén. 1998-2017. 950 p.
21. Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J. The Authenticity scale: validation in Russian culture. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.609617
22. Newman G.E. The psychology of authenticity. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no 1, pp. 8—18. DOI: 10.1037/gpr0000158
23. Nicolotti M., Magrin, M.E. Authenticity: Psychological Perspectives and Operationalizations. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, 2020. DOI:10.1007/978-3-319-69909-7_104669-1
24. Reznichenko S.I., Irkhin B.D., Nartova-Bochaver S.K. Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2021. Vol. 14, no. 3.
25. Rivera G.N., Christy A.G., Kim J., Vess M., Hicks J.A., Schlegel, R.J. Understanding the relationship between perceived authenticity and well-being. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 113—126. DOI:10.1037/gpr0000161
26. Ryan W.S., Ryan R.M. Toward a social psychology of authenticity: Exploring within-person variation in autonomy, congruence, and genuineness using self-determination theory. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 99—112. DOI:10.1037/gpr000016
27. Schumacker R.E., Lomax R.G. *A beginner's guide to structural equation modeling*, 2004. London: Psychology press.
28. Sedikides C., Lenton A.P., Slabu L., Thomaes S. Sketching the contours of state authenticity. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 2, no. 1, pp. 73—88. DOI:10.1037/gpr0000156
29. Strohminger N., Knobe J., Newman G. The true self: A psychological concept distinct from the self. *Perspectives on Psychological Science*, 2017. Vol. 12, no. 4, pp. 551—560. DOI:10.1177/1745691616689495
30. Vess M. Varieties of conscious experience and the subjective awareness of one's "true" self. *Review of General Psychology*, 2019. Vol. 23, no. 1, pp. 89—98. DOI:10.1177/1089268019829471
31. Wenzel A.J., Lucas-Thompson R.G. Authenticity in college-aged males and females, how close others are perceived, and mental health outcomes. *Sex roles*, 2012. Vol. 67, no. 5, pp. 334—350. DOI:10.1007/s11199-012-0182-y

32. White N. An examination of dispositional authenticity. Arizona: Arizona State University. 2011. Available at: https://repository.asu.edu/attachments/56345/content/White_asu_0010E_10304.pdf (Accessed 30.08.2021)
33. Wood A.M., Linley P.A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journal of Counseling Psychology*, 2008. Vol. 55, no. 3, pp. 385—399. DOI:10.1037/0022-0167.55.3.385
34. Zlivkov V., Lukomska S., Kotukh O. Authenticity in the Ukrainian Teacher's Workplace. *Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools*, 2018. Vol. 27, no. 3, pp. 196—200.

Информация об авторах

Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор психологических наук, профессор и ведущий научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Корнеев Алексей Андреевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Резниченко София Ивановна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7930-8790>, e-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

Information about the authors

Sofya K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sciences in Psychology, professor, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-4154>, e-mail: snartovabochaver@hse.ru

Aleksei A. Korneev, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Sofia I. Reznichenko, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7930-8790>, e-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

Получена 02.09.2021

Received 02.09.2021

Принята в печать 01.07.2022

Accepted 01.07.2022